

Иван МАКАРОВ

Иван Макаров родился в 1957 году в Москве. Окончил химико-технологический институт и заочно литинститут им. Горького. Работал инженером, слесарем, дворником, сторожем и т.д. Публиковался в журналах и альманахах «Новый мир», «Согласие», «Знамя», «Юность», «Поэзия», «День поэзии», «Плавучий мост», «Крещатик», «Топос» и др. В 2006 году вышла книга стихов. Живет в Калужской области. В «Волге» публикуется с 2017 года.

КАПЛИ И КАМНИ

*Да, – сказал Жан-Жак Руссо, –
Ланьсе было каласо...*

Мария Козлова

1.

А как хорошо все начиналось!

И осень была теплая...

А потом у нас сгорел курятник.

Действительно, хорошо начиналось. Правда, шли иногда дожди, и даже снег уже был и растаял, но настоящего холода еще не случалось.

А потом у нас сгорел курятник. Вместе с курами. Куриц было много. Едва не сто. Курятник был большой, кирпичный, с большой деревянной пристройкой, в которой и начало гореть.

Еще в августе я с товарищами колол и носил туда дрова для печки. На зиму. Дров было много. И когда в пожаре почти все уже сгорело, в том месте, где мы сложили наши дрова, стоял большой плотный огонь. Даже издали видно было, какой там жар.

А еще вместе с курицами в курятнике сгорел щенок.

Там их было много, весь помет.

Наша большая старая сука Арма оценилась, и когда щенки чуть подросли, Игорь, заведовавший курятником, всех их собрал туда, в пристройку, ни одного не позволил утопить, он очень любил собак и вообще всякое зверье.

Но вот случился пожар, все собачонки выбрались, а один сгорел.

Страшно, но мне тогда не очень жалко было щенка, до того я успел устать от жизни и очерствел душой. Сразу, когда сказали, что щенок сгорел, больно кольнуло, конечно (просто себя на месте погибающего в огне щенка представил: я маленький, беспомощный, ничего не понимаю, а кругом огонь, и ничего сделать нельзя). А потом я больше переживал за Игоря: вдруг у него будут неприятности из-за электрического или печного небрежения, от которого загорелось.

Обаче, обошлось.

Почему обошлось, понятно. Монастырские люди бывают умны. Все поняли: раз сгорело, так и должно было быть. Не нарочно же поджигали.

Кто-то, может быть, сказал даже: «Бог посетил». Или подумал.

А как хорошо все начиналось! –

так любил говорить послушник Евгений («схиархипослушник», как он сам себя называл), человек большого роста и толстый, с глубоким громким голосом.

– А как хорошо все начиналось! – говорил он, на двух костылях медленно спускаясь по узкой лестнице желтого корпуса. – Еще два месяца назад с палками только ходил, а теперь вот и на двух костылях кое-как. А как хорошо все начиналось!..

Еще он придумал свою какую-то особенную, грамматически сложно, вернее, непривычно устроенную молитву и очень любил всех, кто еще не знал его и готов был слушать, этой молитве научать.

Похоже, иногда он мыслил себя «старцем». А в остальном неплохой человек.

Из Боровского монастыря его в конце концов все-таки выгнали, хоть и долго пытались терпеть его своеобразие и бороться. «Спасать». Свято-Пафнутьев Боровский был не первый монастырь, из которого его удаляли, потому и – «схиархипослушник».

И вот однажды он вернулся. На Пасху. Просто приехал в гости.

Он сидел на лавке с плотником Евгением.

– Ого! Не каждый день такое увидишь: два Евгения рядом.

– А вот и нет, – сказали мне, – Евгений только один.

А бывший схиархипослушник был теперь (он так сказал) схимонах Петр.

Честно говоря, я удивился, что это за монастырь такой, где так легко и быстро постригают, и тем более в схиму. Да и одет он был в гражданское.

Однако, как бы то ни было, передвигался он теперь совершенно самостоятельно и довольно-таки легко – и с одной только палкой.

А как хорошо все начиналось!

«А потом князь Курбский убежал в Ливию...»

(Это, кажется, на экзамене по истории.)

А как хорошо все начиналось!

Капля, говорили, камень точит...

Но это дело нескорое. А вот сами они, падая на камень, рассыпаются, вдребезги...

А как хорошо все начиналось!

Давно это было. Лето. Свет и тепло. Березы. Елки. Трава.

Свято-Введенский женский монастырь на острове. В городе Покров Владимирской области. Накануне Петра и Февронии Муромских.

И настоятельницу зовут Феврония.

Я в первый раз в жизни приехал тогда в монастырь. Бывал, конечно, «на экскурсии», а «по-настоящему» в первый раз.

Приехал на три недели. «Потрудиться». И «для душевной пользы». А может быть, и из любопытства тоже. И даже, может быть, главным образом именно из любопытства. И образ жизни ненадолго переменить. А главное – «Так благословили». Тогда это было значимо.

Мы, так называемые «трудники», курим на лавочке (где разрешалось).

Много курим и очень много говорим. Мне здесь все еще такое новое...

Трудник Слава очень худой и высокого роста. Я поневоле смотрю на него снизу вверх. И не только из-за роста.

– Это у тебя, – спрашивает он, – первый монастырь?

– Первый... А у тебя не первый?!

Слава только покачал головой.

– Второй?.. Нет?.. А какой?

Слава только иронически качал головой и смотрел на меня сверху вниз. Поневоле. Из-за высокого роста. А я трепетал от уважения.

Сколько ж, думал я, человек монастырей восстановил...

Позже я бы по-другому подумал: Эх, из скольких же уже монастырей тебя, беднягу бездомного, за пьянство выгнали...

А теперь я б уже и ничего не подумал. А что тут думать? Думай – не думай, ничего не придумаешь. Судьба такая. Путь. И не у одного только Вячеслава.

Жив ли он теперь? Хотелось бы.

А как хорошо все начиналось!

Раньше, еще до 17-го года, в монастыри тоже приезжали трудники (случалось, даже по морю приплывали – на Соловки).

Тогда, 100 лет назад, эти трудники разделялись (условно) на две категории: приезжали или «по усердию», или «по обещанию».

Большую часть теперешних трудников тоже можно разделить, хотя и условно, конечно, на два разряда: кому некуда пойти (бомжи, бездомные и т.п., просто не знающие пока, как дальше жить – страна-то у нас, как сказал пролетарский поэт, «для счастья мало оборудована», и число людей, теми или иными обстоятельствами выброшенных из условно-нормальной жизни, не поддается никакому учету) и те, которые от кого-то или от чего-то прячутся, на современном околмонастырском языке – «шифруются». Тоже – «область неблагополучия». Или то и другое одновременно.

Но не все, конечно. И «по усердию» бывают, и «по обещанию», и «по благословию», и «за послушание». Некоторых родные в надежде исправления (исцеления, перевоспитания) отправляют в монастырь, других приходские батюшки благословляют. И «взыскующие» бывают, и «ищущие»... И верующие, и всякие... И те, кто в семинарию собирается, и рекомендация нужна, и те, кто монахом хочет быть, или просто в монастырскую братию (это, кстати, не совсем одно и тоже)... И в разных монастырях бывает по-разному, и в разное время по-разному...

Но первые две категории, хоть и не всегда, но очень часто главные. Случается, спустя некоторое время кто-то из этих людей получают подрясник, а иные становятся даже монахами...

Но что бы там с кем дальше ни было, дай Бог здоровья и всякой радости настоятелям, наместникам и экономам тех монастырей, где принимают в трудники всех приходящих без разбора чина, звания и возраста, всех болящих, заблудших, трудных, белых, черных, чистых, грязных... Лишь бы минимально соблюдали (или старались) общепринятые нормы человеческого общения (друг друга не убивали)...

Не всем, конечно, но очень многим это самое монастырское трудничество очень помогло в жизни... Многих монастыри просто спасают. И от физической гибели даже... Не всех, конечно, но многих...

Хотя бывает и наоборот... И монастырская (околмонастырская) жизнь таит в себе множество опасностей. Случается, просто калечит... Бывает, и убивает...

...А вообще-то все мы, странники, очарованные и разочарованные, обыкновенно и сами не очень знаем, зачем, как, почему и отчего оказываемся в том или ином месте времени и пространства. От каких поворотов чувства, мысли, судьбы, обстоятельств. Просто летим, куда ветер дует, плывем, куда несет волна или течение, тащимся, куда тащит...

А как хорошо все начиналось!

И у Вячеслава тоже. В армии он служил где-то на Памире. Очень высоко в горах. Пограничником. Любил вспоминать про это. Потом жил возле Питера. В Сосновом бору. На атомной станции работал. Техником. Была у него там жена и дочь...

А теперь вот идет он по свету из монастыря в монастырь.

Из Свято-Введенского в Покрове, я после слышал, его вскоре тоже выгнали.

А тогда он не унывал. О странствиях своих рассказывал весело и не зло. Что-то врал, конечно. О чем-то молчал. Разумеется, хвастал. Мне тогда это все было удивительно и даже казалось прекрасным...

Между прочим, Слава утверждал, что его прадед по матери был епископом, и что он тоже непременно когда-нибудь будет епископом...

Все может быть. Правда, «Символа веры» он тогда, на четвертом уже десятке лет совсем не знал, и «Отче наш» нетвердо... Но разве он в этом виноват?

А как хорошо все начиналось!

У моей знакомой медсестры Любы есть подруга.

Год назад она нешуточно заболела. Ей поставили диагноз. Страшный и неутешительный. Когда узнала, она все свои вещи, всю одежду в срочном порядке раздала...

Но пока, слава Богу, вопреки диагнозу, жива. И неплохо себя чувствует.

Только теперь ей совершенно не во что одеться. Все раздала.

Сейчас мороз –15-20 градусов, а она ходит в плаще и туфлях или в очень тонких (осенних) сапогах. Ко всему, она дама крупная, и необходимого размера ей нелегко что-нибудь на себя подобрать.

Но ведь это теперь просто смешно, правда?

Теперь, когда диагноз «не исполнился». К тому же подруга медсестра Люба ей непременно поможет, срочно добудет где-нибудь все необходимые тряпки...

А как хорошо все начиналось!

В Св. Введенском монастыре был обычай каждый вечер обходить остров с иконой. Иногда ходили порядочным числом, благословляя иконой всех, и нас, трудников, сидящих на «курительной» лавке у нашего отдельного корпуса тоже. Тогда мы все вставали с лавки, прятали за спину горящие папиросы, крестились на иконы и кланялись.

А иногда шествие состояло из одной только старушки, за которой шли две-три маленькие, дошкольные девочки. Но всегда, независимо от числа женщин, за ними шла хотя бы одна кошка.

Кошачьи вообще почему-то очень любят крестные ходы. Однажды в Боровске на Светлой седмице два кота даже подрались – за свое место в процессии.

А как хорошо все начиналось!

В Св. Екатерининском монастыре в Суханово (г. Видное) благочинным был иеромонах Иоанн, довольно еще молодой человек.

В отсутствие настоятеля, епископа Видновского Тихона, ему вменено было в обязанность после обеда, перед началом работы произносить напутственное слово.

О. Иоанн очень любил и умел работать и служить в храме любил, но назидательное говорить не любил и при всякой возможности уклонялся, но послушание у нас «паче поста и молитвы», паче того и другого, паче много чего, и о. Иоанн иногда говорил это положенное «слово».

И до и после я много слышал и читал и напутственных, и разных, и замечательных, и всяких «слов», но лучше того, что я услышал однажды от о. Иоанна, я едва ли вспомню:

– Ну, что я могу сказать?.. Молиться и трудиться... Трудиться и молиться... И... – О. Иоанн помолчал... – И... И не обижайте друг друга... Всем трудно... Тяжести друг друга носите...

Кто-то улыбнулся, кто-то поправил, и о. Иоанн улыбнулся тоже и поправился:

– Тяготы, конечно, тяготы... Тяготы друг друга носите...

Будь я не так жестокосерд, я б, может быть, прослезился тогда от этих простых и честных слов.

Тем более про несение тяжестей было как нельзя более своевременно: нам случилось там и очень большие камни, и много всего другого, еще более тяжелого, перетаскивать, откапывать и закапывать, разбирать и складывать.

Конечно, о. Иоанн не только эти, и прежде всего не эти тяжести имел ввиду, но я был так тогда своей личной душевной болью и скорбью полон, что все чужие несчастья и эти самые тяжести (которые суть «тяготы друг друга») казались мне совершенными пустяками... Мне б, думал я (дурак!), их заботы...

А как хорошо все начиналось!

Выпал снег. Сразу стало легко и красиво. И работа выпала нам всем в тот день легкая и радостная.

В монастыре тогда была еще свалка строительного мусора, и в тот день мы убрали и грузили металлолом. Железо вообще приятно грузить и сравнительно легко: оно не камни и тем более не мешки.

Но главное: что мы грузили!

Сколько радости было сдавать это в переплавку!

Это было радостней, может быть, чем если б мы мечи на орала перековывали...

Примерно три четверти лома были большие железные решетки. Обычные на вид, сваренные из прутка, уголка, полосы, похожие на какие-нибудь самодельные двери, каких на каждом заводе сколько угодно встречается.

Но это было совсем другое. Это были настоящие тюремные решетки, оставшиеся от прежних хозяев.

Когда-то, а в сущности, не так уж и давно, в монастыре располагалась Сухановская особая тюрьма МВД.

Даже когда монастырь вернули церкви и в храме уже шли службы, местные жители все еще просто боялись заходить внутрь...

...Один из братских корпусов и сейчас называется «бериевским», а в трапезной в цементном полу видны были срезы железных труб – ножек намертво залитых в бетон железных табуретов, там допрашивали...

С воодушевлением и восторгом я кидал гнусное железо в кузов 130-го ЗИЛа.

Туда их! Вон! В печь! В переплавку!

Наверно, я слишком несдержанно радовался. Или рано радовался.

Совсем немного времени спустя, оставив монастырь, я побывал в обезьяннике за очень похожей решеткой...

Не все переплавили.

Больше того: много еще новых навывдумывали и наделали...

...Когда меня везли в милицейской машине, был поздний вечер, горели фонари. И тяжелый, большой, мокрый, совсем не московский, а какой-то южный выпал в тот вечер снег, и ветки деревьев в снегу были красивы, как пальмы, даже лучше, и я смотрел, смотрел на них с жадностью. Старался запомнить. Что бы ни было со мной дальше, я должен сохранить, не забыть эту красоту, она согреет, она утешит меня всегда... Обыкновенные городские деревья в снегу. На нешироких улицах. Вечером. В свете фонарей.

...А ночью резко похолодало. Градусов до десяти. И засыпанным снегом деревьям, схваченным вдруг льдом, было, наверно, больно, ветки гнулись и ломались...

Рядом со мной в обезьяннике умирал бездомный. Похоже, действительно умирал. Похоже было на воспаление легких.

Он пытался все же улечься на узкой лавке. Я положил ему под голову свою шапку, стал стучать в дверь. Неотложку, к моему удивлению, охотно вызвали. Фельдшер с блестящим чемоданчиком подошел к решетке, ему открыли.

Обернувшись, он спросил сержанта:

– Документы есть? – (т.е. у лежащего). – Нет? – Фельдшер развернулся. – До свидания...

...Для меня, однако, тогда все обошлось: выпустили.

Следователь умный попался. Решил не занимать драгоценную зарешеченную площадь всякими пустяками...Или установка была такая... Не занимать попусту драгоценную зарешеченную площадь...

А как хорошо все начиналось!

Многого я не знал, был глух и нем, патологически самовлюблен.

В Св. Екатерининском монастыре я не жил. Даже не переночевал ни разу.

Видел мельком, когда искал кого-то, что койки в кельях у них там по большей части двурусные. Мне, дураку, это даже понравилось. Показалось уютно ...

Я просто приходил в монастырь поработать «во славу Божию» (так это называлось). С 9 до 18, кажется.

Когда в 18-00 я уходил, на меня смотрели с тоской и завистью.

А я завидовал остающимся. Уходил, с тоской оглядываясь на стены и башни, в пустоту и одиночество дома, где, как говаривал Батюшков, «я не один, и нас не двое»...

Я работал в монастыре не «по усердию» и не «по обещанию», а как бы «за послушание». Вернее, «за непослушание».

В августе я, мягко говоря, порядочно начудил, и настоятель храма, куда я тогда ходил, велел мне однозначно и немедленно ехать в монастырь – «исправляться».

А я считал, что уезжать из дому мне как раз в это время и нельзя было, и выдумал такую вот непонятную паллиативу: в монастыре не жить, а только приходить «трудиться». Мне и прежде случалось так «приходить потрудиться» – было время всеобщего воодушевления и восстановления храмов. Ни служб, ни молитв практически не зная, бежали хотя бы «потрудиться»...

И вот я уходил, а трудники, в большинстве своем, в сущности, бездомные, завидовали мне как уходящему, а я, дурак, завидовал им, остающимся...

А как хорошо все начиналось!

1960-й год. За окном маленькие, чуть живые, их только посадили, липы, зато во дворе огромные старые тополя.

Дома, в комнате большой лимон на подоконнике, диван... Радио, сначала это был даже не приемник, просто большая черная тарелка репродуктора... Старый платяной шкаф с зеркалом до самого пола. По граненым краям зеркала – радуга...

На полу горшок...

А потом я поступил в Детский Сад...

А как хорошо все начиналось!

Но меня укусила собака.

В детстве я очень боялся собак. Даже самых маленьких. Любая несчастная болонка или «пекинеса» могла просто терроризировать меня. Мне отец объяснял: «Не надо бояться, и собака не тронет». Я верил, но не мог с собой справиться...

Это продолжалось долго. Пока первый раз не укусила. Тогда я понял, что это не очень страшно, и перестал бояться...

Но на сей раз это была совсем другая собака. Правда, она была большая, лохматая и грязная. Но я ее совсем не боялся.

Я жил тогда, как все: пил, гулял, занимал деньги у друзей и знакомых... А потом случилась эта самая маленькая беда. Собака.

Я, собственно, ничего дурного не делал. Я только газету хотел почитать.

Очень вдруг захотелось почитать газету. Бывает, знаете, приходит вдруг такая блажь...

Я в подземном переходе стоял, от дождя укрылся, а газета на мраморном полу лежала, а на ней какая-то чепуха... И собака это ела.

Ей, по-видимому, так и дали на газете, чтобы мраморного пола не пачкать...

Я не трогал ее еды... Зачем она мне нужна?.. Я только газету хотел, а собака, наверно, не поняла и укусила. Дура собака!..

А как хорошо все начиналось!

Воспитательницы в детском саду были большие и красивые. Чулки у них были черные кружевные. Это я хорошо помню, потому что, когда они меня одевали, голова моя была где-то на уровне их коленок.

Они были добрые и веселые.

А еще они учились, наверно, где-нибудь на вечернем или на заочном. Или просто любили читать. Потому что в самой младшей группе они выучили меня стихотворению Лермонтова «Воздушный корабль». Сами, может быть, учили по программе и заодно меня выучили. Мне очень нравилось, хотя я не все смог запомнить:

По синим волнам океана,
Лишь волны блеснут в небесах...

А потом я продекламировал это дома, и дальше тоже:

Не слышно на нем капитана,
Не видно матросов на нем,
Но скалы, и тайные мели,
И бури ему нипочем...

Мама страшно возмутилась. Для младшей группы детского сада это показалось ей непозволительно сложно. Вероятно, она и в детском саду, придя меня забирать, возмущалась: нельзя так нагружать малолетнюю голову...

На самом деле мама очень любила Лермонтова и, может быть, это было что-то вроде ревности: не она сама, а какие-то детсадовские воспитательницы читают его с мной.

А как хорошо все начиналось!

Только никто никому не верил, и за колбасой в Москву даже с Урала ездили...

Нет, не совсем так... Верили... «Своим» верили... И «чужим» верили: заграничным, эмигрантским и несоветским...

А потом объявили зеленого змея врагом и ввели полусухой закон... Даже за самым плохим и глупым пойлом живых людей выстроили в километровые очереди. Первые жертвы, и слезы, и смех...

Одна из веселых историй того времени:

Очередь к пивной палатке. Длинная. Над окошком объявление:

«Ветераны Куликовской битвы обслуживаются вне очереди».

Кто-то возмущается, кто-то смеется.

Приходит старец с клюкой: Давайте пиво без очереди. Я ветеран.

– Очень приятно. Ваше удостоверение...

– Какое удостоверение? Вы что? 600 лет прошло...

– Не знаю, не знаю... Татары предьявляют.

А как хорошо все начиналось!

...Тулон, Египет, Аустерлиц, Москва, Лейпциг, 100 дней... А дальше ночь, океан, Св. Елена... И – этот самый воздушный корабль Лермонтова:

«... Иные погибли в бою, другие ему изменили и продали шпагу свою...»

Изменили... Это очень нехорошо... И шпагу продали...

В те счастливые детсадовские годы я понимал это очень буквально, я отчетливо представлял себе маршала в темном плаще, который в вечерних сумерках под полой этого плаща нес продавать свою шпагу на какой-то рынок с деревянными прилавками, вроде нашего Зацепского...

А как хорошо все начиналось!

Но – появилось лучшее: непримиримый враг хорошего...

А как хорошо все начиналось!

Но – четверть века промелькнула как миг.

И вот, конец июля. Пасмурно. Низкие тучи. На увитых хмелем репейниках веселятся и ссорятся птицы.

Напротив монастыря два узбека в оранжевых жилетах собирают из синих металлоконструкций трибуну-эстраду-помост.

Подготовка к 1025-летию крещения Руси.

Один молодой узбек стучится к нам. В руках у него большая белая электрическая вилка с розеткой на проводе, удлинитель:

– Брати света можна...

А еще недавно 1000-летие было. Четверть века назад. Тоже как-то отмечали. Правда, никакие узбеки тогда никакого «света брати» не спрашивали...

А как хорошо все начиналось!

...И как-то вообще многое у нас на грешной земле имеет свойство и обыкновение хорошо начинаться... А может быть, и не только у нас. Может быть, и на других не менее грешных планетах тоже что-нибудь хорошо начинается?

А как хорошо все начиналось!

Из какого-то монастыря в Курской области приехали два монаха и один послушник.

Послушник очень много и страстно говорил, всех обличал и грозил вечными муками, а один из монахов отличался невероятной какой-то кротостью, имел очень длинную, до пола, косу, и был несколько странного вида. Главное, коса до пола.

Он шел вдоль монастырской стены, и возле круглой башни на него неожиданно выскочил какой-то заезжий, болящий или из «взыскующих» (или и то, и другое, и третье):

– Ба-а-атюшка!

– Я не батюшка, – отвечал монах с кротостью.

– Ма-а-атушка!

– Я не матушка, – отвечал монах так же просто и кротко.

Заезжий остановился в удивлении.

Что было дальше, я не видел. Прошел мимо. Я нес воду с источника.

А как хорошо все начиналось!

Но шли дожди.

Шли, шли, шли...

И вот у монастырских ворот сидит небольшого роста совершенно мокрый кот, держит в зубах задущенную мышь, и при том еще громко орет: «Мяу! Мяу!»

А как хорошо все начиналось!

Зашел в церковь погреться, да там и остался.

То есть не совсем остался, конечно, но иногда заходил... Погреться.

А как хорошо все начиналось!

Осень. Монастырь. Сад. Яблоки. Стайка паломниц. Одна спрашивает:

– Батюшка! А можно мне одно яблоко сорвать?

Батюшка отвечает отрицательно:

– Одна уже сорвала!

Монастырские вокруг улыбаются. Не без злорадства. Им нравится. Похоже, «крылатые» батюшкины слова будут повторять и пересказывать...

Молодому труднику грустно это слышать. Грустно и стыдно. Он даже смотрит в сторону.

Потому что он, хотя еще и относительно молодой, но, грех сказать, трудного и всякого жизненного опыта у него больше, чем у этого остроумного батюшки...

Стыдно ему это слышать... За батюшку стыдно...

А как хорошо все начиналось!

А теперь... Увы... Увы...

А что теперь?.. Нехорошо?.. А как знать, может быть, и про это наше нехорошее сегодняшнее мы еще скажем: «А как хорошо все начиналось!»

А как хорошо все начиналось!

Однажды случилось чудо.

То есть чудеса, конечно, случались часто, можно сказать, почти каждодневно, и теперь случаются, и самое главное чудо это то, что мы еще до сих пор живы.

Но то было совсем другое чудо.

Отключилось электричество на подстанции. Это бывало нередко, отключалось ненадолго. Дело было днем, ничего страшного не произошло, только воды в кранах не было, насос не работал, и чайника нельзя было подогреть. Но это все не чудо.

Я проходил мимо Собора, в это время на колокольне сколько-то там пробили часы, и полминуты спустя ко мне подлетел Круглый Дима (действительно круглый):

– Ты слышал? Ты слышал?.. Чудо!

– Какое чудо?

– Света нет, а часы идут... И звенят!.. Чудо!..

Дима в свои 35 лет и не подозревал даже, что на монастырской колокольне 17-го века могут быть механические часы, которые идут и звенят независимо от подачи электричества... И в самом деле: чудо. Чудо удивления.

Дима вообще был немногословен, поэтому все, что он говорил, слушалось с вниманием.

Однажды, лежа в келье, он безо всякой связи с происходящим, отвечая своим внутренним мыслям, вдруг произнес:

– Да... Теперь настоящих монастырей мало. Теперь монастыри коммерческие.

А как хорошо все начиналось!

Действительно, хорошо начиналось.

Хуже было некуда. Так казалось.

Мы еще не знали, что бывает гораздо, гораздо хуже. Дураки были.

А как хорошо все начиналось!

Мой добрый друг Вадим, послушник, удивительной, редкой, большой, доброй и умной души и трудной судьбы человек, рассказал мне однажды, как он начал воровать.

Он был тогда без подрясника, и мы с ним присели покурить, спрятавшись в маленькой нише возле монастырских ворот.

– Знаешь, как я начал воровать? Из-за женщины...

Мне было не очень приятно про это слышать. Не то чтоб неприятно, тут другое... У меня не было такого богатого, трудного и страшного опыта, как у Вадима, и я, поневоле, чувствовал себя не совсем ловко. Мне было стыдно, что ли... Да, именно стыдно. Не за Вадима, конечно. За себя. Стыдно, что я такой условно благополучный... Стыдно было, как сытому перед голодным...

– Да, – продолжал Вадим, – из-за женщины. Вернее, из-за девочки. Это было в первом классе. Я как-то случайно залез в раздевалке в карман чужого пальто, там были конфеты, хорошие, шоколадные... Мне очень нравилась одна моя одноклассница, и я принес ей эти конфеты. Она была так рада! И мне радостно было на нее смотреть, когда она радуется... И я стал ходить в раздевалку и искать там сладости во всех карманах... И находил, и приносил ей. И смотрел, как она радуется...

А как хорошо все начиналось!

Ночь. Луна. Волки.

А как хорошо все начиналось!

В Иосиф-Волоцком монастыре по утрам перед началом работы, еще в темноте, мы все собирались возле мусорных контейнеров. Курили, разговаривали. Потом приезжал экономайстер на тракторе с прицепом, мы загружались в этот прицеп, усаживались на борта и ехали куда-нибудь недалеко, где на монастырской или околмонастырской территории мусор был выброшен «беззаконно», там вылезали и лопатами нагужали прицеп. Эконом привозил его назад, а мы возвращались пешком и выкидывали мусор в контейнеры.

Однажды мы как-то слишком долго ждали экономайстера, видно, трактор не заводился, к нам подошла Михайловна, жаловалась на свои беды.

Михайловна командовала коровником. У нее были неприятности. Трудники от нее как-то все сразу разбрелись, некому стало работать. Убирать за коровами.

Михайловна добрая женщина. Она очень любила животных, она так сильно их любила, что те, кому случалось у нее поработать, говорили, что коров она любит гораздо больше, чем людей, и поэтому работать в ее хозяйстве никто не хотел.

Вот она и стояла с нами, разговаривала, надеясь кого-нибудь уговорить.

Рассказывала, какие у нее трудились подвижники. В основном жаловалась, что сильно пили. Но этим никого не удивишь. Однако бывали и другие случаи.

– ...Один был такой уж старательный... Не нарадуюсь... Но... Другая беда... Все надо было на замок закрывать... Только не закроешь, что-нибудь стащит...

Мы слушали сочувственно, но помочь Михайловне и пойти к ней на коровник никто не спешил. А Михайловна все рассказывала:

– А вот еще один был... Чудо... Не работник, а клад... Тихий, спокойный, старательный... Две недели проработал, а потом вдруг вечером кошку схватил, нож к ней приставил и мне говорит: «Сию минуту давай, говори мне телефон патриархии, а то я кошку пополам пережужу...»

А как хорошо все начиналось!

Мы все больше всего на свете любили прекрасное и стремились к нему...

Но... Увы, увывы... У нас у всех было разное представление о прекрасном...

А как хорошо все начиналось!

Только вот коровы...

Сколько беды от них! Жрут. Жуют. Роняют навоз. Доятся. Рожают телят и так далее. И не знают, не думают, какие они всем этим нам беды несут.

Хуже всего навоз. Валят и валят...

...А весной всякие мелкопоместные дачники радостно покупают этот самый навоз машинами, а водителю стыдно бывает «навозными» деньгами не поделиться, и потом

многие страшно болеют, дни путаются с ночами, память теряет огромные куски времени и др. и пр. Тем более, на навозные деньги и напитки приобретаются какого-то совершенно навозного качества...

А как хорошо все начиналось!

Разные люди приезжали в монастырь.

Однажды приехал среднего возраста скромный человек из Москвы. Усердно посещал все службы. Стоял в храме прямо и неколебимо, как памятник. Работал усердно до изнеможения. В немногое свободное время лежал на кровати и читал книжку рассказов Хармса.

Звали его Андрей. Разумный, спокойный. У него случились всякие непонятности.

Умерла, погибла в пожаре родственница в деревне в Елецком районе. Или даже не совсем родственница. Но не чужой человек. Стало душевно трудно. Плюс алкоголь.

И Андрей приехал в монастырь потрудиться, помолиться, успокоиться, привести себе в разумный вид. Что ему, кстати говоря, кажется, вполне удалось. Уехал спокойный, довольный, обещал еще приезжать.

Между прочим, я спросил его о профессии.

– Художник. Художник-ювелир...

– Ну, и как это теперь? Хотя бы прибыльно?

– Нет.

– Конкуренция?

– Нет. Просто все есть.

– То есть в магазинах?

– Да. Все есть... Никому ничего не надо...

А как хорошо все начиналось! А теперь слишком много всего стало, и никому ничего теперь уже не нужно...

А как хорошо все начиналось!

А теперь везде видеонаблюдение. Даже в монастыре. Даже в нашем.

И на трапезной (16 век) установили камеру, что, как говорят, если под колокольной (16 век) почти за полста метров кто-нибудь сядет газету читать, в мощную камеру будет видно, что он читает и даже вместе с ним читать...

О, Сад! Где видеокamеры напоминают людям, что они братья...

А как хорошо все начиналось!

...Ну, сколь можно!.. И не надоело повторять...

Нет! Не надоело. Потому что это правда. И не устану повторять: Как же хорошо все начиналось!..

А как хорошо все начиналось!

Я ходил лохматый и с бородой. И одевался как попало. Мог себе позволить...

Я шел подземным переходом. В кулаке у меня была зажата такая бумажка (сто рублей). Единственная. Перед самой лестницей на меня выскочил мужик. Обыкновенный, не очень выпивший.

Увидев мою лохматость и небритость, спросил:

– А вы в Бога веруете?

Почему-то лохматость и небритость у нас как-то неразрывно связывается в народном сознании с религиозностью и даже почему-то с принадлежностью к Святой Соборной Апостольской церкви...

– Верую, – твердо ответил я, а внутри шевельнулось сомнение: не обманул ли я, может быть, честнее было бы сказать «Стараюсь верить»... Вера-то моя слабая...

– А футбол любите?

– Нет. Футбол не люблю.

– О! – Мужик схватился за голову, зашатался и не пошел, почти побежал мимо меня по переходу. – Вот это да! Вот это да! Как это? В Бога верует, а футбол не любит... Вот это да!..

Бедняга был так удивлен, что даже забыл попросить у меня сто рублей на вино, хотя явно именно ради этого он и про веру спрашивал, и про футбол...

А как хорошо все начиналось!

А теперь нас стало слишком много, и мы больше не можем относиться друг к другу внимательно... Стали, собственно, друг другу не очень нужны. Никто никому не нужен. Потому что нас много?

А как хорошо все начиналось!

В Свято-Введенском монастыре в Покрове кроме прочих было одно довольно забавное послушание.

Озеро, на озере остров, на острове монастырь. Озеро очень чистое и большое.

На другом берегу пляж. Там тоже люди проходили свою аскезу. Вероятно, более привычную, но от этого, может быть, не менее трудную. Что именно там происходило, из-за дальности расстояния видеть было невозможно, только ночью огни костров в темноте. Зато слышно было слишком даже хорошо.

Там хохотали, кричали, визжали. И музыка гремела противная. Все обычно.

А смешное послушание заключалось в следующем.

Ночью надо было, вооружившись длинной жердью, обходить остров дозором. По берегу. На случай, если кто-нибудь с дальнего пляжного берега, одолев озеро вплавь, естественно, голый, и, скорее всего, пьяный, захочет высадиться на остров.

Такое «десантирование», даже и в мирных целях, считалось недопустимым: монастырь-то женский... И при помощи жерди его, приплывшего, буде приплывет (а прецеденты были), надлежало не допустить выйти на берег.

Моральная трудность тут заключалась в следующем.

Ну, столкнешь ты его в воду, выгонишь обратно в открытое озеро, а если он назад не доплывет? Если утонет, грех-то какой!

А везти его назад на нашей тяжелой лодке, ночью, да если он еще и не захочет... В мои смены, к счастью, ничего такого не произошло.

Зато как я «геройски» себя чувствовал, под пенье птиц и кваканье лягушек, разгуливая по острову с дурацким дрынком в руках... А еще луна, луна, луна...

А как хорошо все начиналось!

В этом самом Покрове, на этом самом озере, на этом самом острове еще в 17 веке основан был монастырь. Свято-Введенский. Правда, тогда он был мужской. Назывался Островная пустынь.

А потом случилось то, что случилось, и на этом острове, за монастырскими стенами (впоследствии разрушились от влажности и заброшенности), в этих самых монастырских корпусах и в храме разместили дом престарелых и инвалидов, затем — детский дом. А в 1932 г. в бывшем монастыре обосновалась женская подростковая колония...

...Как теперь, не знаю, а раньше мы и в монастырь попадали через проходную колонии для несовершеннолетних девочек... По-своему тоже «инокини»...

Пропускали, впрочем, свободно. Надо было только сказать охраннику: «Я в монастырь...» И дальше через понтонный мост...

Может быть, в «другую» жизнь...

А как хорошо все начиналось!

Деревня Теряево. Лето. Пруд. Монастырский огород, большой и ровный, как маленький аэродром. Деревья, птицы, собаки...

А потом наместник о. Сергей заболел.

Всех просили стараться не шуметь возле корпуса.

О. Сергей не появлялся на люди, и только иногда выходил на балкон поливать цветы.

В храме он появился через неделю или даже больше. Служил. Говорил проповедь.

Обычно его проповеди не производили на меня особенного впечатления. Все обычно, как положено. Как все. Ничего нового и ничего особенного.

Но в этот раз он говорил о Добром Самарянине. Все в точности за давностью времени не помню. Но помню, меня задело, разволновало. Я ему поверил. О. Сергей говорил честно и взволнованно, даже голос его как будто немного дрожал...

...Мы, которые хорошие, мы все просто мимо прошли, оставили ограбленного и избитого на дороге.

А мимо не прошел, помог – это кто-то совсем другой... Которого мы, хорошие, еще и осуждаем: чужой, не наш... Нехороший...

А чужой и нехороший, оказался добрым... Не как мы. Так, может быть, чем других («ненаших») осуждать и судить, лучше нам на себя посмотреть...

И в следующее воскресенье он снова служил. И говорил проповедь.

В этот раз, не смотря на всю свою грубость и черствость, я слушал его едва не со слезами. Все в точности за той же давностью времени теперь воспроизвести не могу. Но что-то все же осталось в памяти...

«...А если кто-то уверен, если кто-то чувствует себя уверенным, то...»

Тут получилась пауза. Видно было, как о. Сергей осторожно пытался подобрать слова, чтобы как-то смягчить, чтобы не слишком больно сказать... И не смог:

«...То такой человек практически неизлечим...»

2.

А как хорошо все начиналось!

Да, что ж это я все одно повторяю... Как хорошо все начиналось!.. Как хорошо все начиналось!.. Ведь и теперь все очень хорошо... Страшно даже представить, насколько все могло бы быть хуже...

А как хорошо все начиналось!

Настало лето. Но с ним и летние чудеса.

...В Иосиф-Волоцком монастыре послушание на привратке несли два человека. Федя и Саша. Попеременно. Сутки сторожил один, сутки другой. Достойные, но немолодые люди. Пенсионеры. И ничего – справлялись.

Но настало лето, и с пятницы по понедельник для усиления караула в монастыре вместе с ними монастырь стали сторожить нанятые сотрудники частного охранного предприятия в черных униформах.

Конечно, летом дачники приезжают, население вокруг монастыря увеличивается, вообще, летом всё веселее и все веселее.

Но охранников приглашают не для этого – необходимость укреплять безопасность диктуется свадьбами...

...Нет, конечно, в монастыре не венчают, но в округе не так много достопримечательных мест, и, кажется, все уважающие себя окрестные свадебные кортежи непременно заворачивают в монастырь.

Со всеми вытекающими... Все вытекающие: песни, крики, водка, мат – это понятно. Привычно и не интересно. На то и свадьба. На то и усиленная охрана...

Все это понятно, но меня во всем этом меня другое удивляло... Хотя, может быть, это только меня удивляло, а на самом деле ничего удивительного в этом нет?

Во всех этих свадебных обрядах и гулянках новейшего времени, которые я видел в Иосиф-Волоцком монастыре (а видел я их там немало), да и в других местах тоже, мне другое непостижимым кажется – хотя это, может быть, только мне непостижимо, а на самом деле именно так и надо?..

...В Иосиф-Волоцком это происходило обычно так.

...Свадьба выходит из своих длинных блестящих автомобилей, долго и внимательно поправляет одежды и прически, строится по порядку и входит в монастырь... Жених, невеста...

То на него, то на нее почему-то часто жалко бывает смотреть, а иногда и оба довольно-таки обреченно выглядят.

Причем невеста бывает иногда как будто для нарочного умножения жалобности заметно беременна, а жених случается на полголовы меньше невесты ростом...

За ними – свидетели. Шафера... Папа, мама (если живы)... Но все это как бы неглавные персонажи... Своей воли у них как бы уже и нет. Гости держатся уже самостоятельной, особенно если уже выпили (Хотя одеты ради свадьбы тоже часто бывают как-то подчеркнуто нелепо)... Но и они, можно сказать, почти что никто...

А самый главный у них фотограф.

Фотограф!

Что он им скажет, то они и делают!

Он ими командует, как хочет! Невесту хватает и вертит так, что будь на месте жениха нормальный человек, он бы ему просто по физиономии дал (тем более пьяные друзья рядом, если что, помогут). Но почему-то нельзя. Фотографа все слушаются. Принимают неестественные глупые позы, хватаются за язык колокола на звоннице, забираются в беседку. Обнимаются и целуются точно по команде и в указанных фотографом местах... А он направляет на них свою огромную разбойную страшную камеру и досадливо машет рукой: правой, левой, выше, ниже... Подчиняются беспрекословно.

Будто и свадьба сама по себе никому и не нужна, а для того только и происходит, чтобы все было снято, и при том снято «правильно», и для этого необходим самодержавный и деспотический, всевидящий и всезнающий фотограф...

Велика сила искусства. Особенно фотоискусства...

А как хорошо все начиналось! –

Щелкай, мол, без разбора, милый Кодак...

А как хорошо все начиналось!

Москва. Таганка. Большие Каменщики...

...Знала ли она, как она красива? Возможно, знала. Она так прекрасно говорила: «Что позволено Юпитеру, не позволено тюленю...»

Она лекции читала. По истории. По истории Церкви. Вселенские Соборы...

А я только и помню теперь: «Что позволено Юпитеру, не позволено тюленю...»

Даже как ее звали, не помню... И про Соборы плохо.

Хорошо все начиналось... Только вот тюленя жаль. Как много всего ему не позволено...

А как хорошо все начиналось!

...А то ли еще будет!

А как хорошо все начиналось!

А потом смелый охотник Исав страшно проголодался и поспешил набить утробу, совершенно не заботясь о будущем...

...Не потому ли у нас в монастыре у нас многие не любят чечевичного супа? Не иначе за первородство боятся...

А как хорошо все начиналось!

А теперь у нас враг у ворот и зима на носу...А дальше что?

А как хорошо все начиналось!

Весело было и беззаботно. Случалось, конечно, всякое...

Трудник просыпается в коровьей кормушке, видит перед собой коровью голову. С добрыми глазами. Берет корову за рога:

– Милая! Дорогая! Дай пятьдесят рублей до завтра!.. Честное слово, верну!..

Действительно, хорошо начиналось: за пятьдесят рублей тогда еще много чего можно было купить...

А как хорошо все начиналось!

Правда, все очень хорошо было... Только мы долго не знали, что с этим хорошим делать, а теперь устали. Просто устали.

А как хорошо все начиналось!

Когда весной я в первый раз прибыл в Иосиф-Волоцкий монастырь, было еще много снега, но была оттепель, таяло...

Вряд ли мой приезд выглядел торжественно, но мне изнутри совсем по-другому казалось: я такой маленький, а монастырь такой древний, такой славный, такой большой и прекрасный, и лиственницы в нем растут, огромные и красивые... И Собор... Большой, белый...

Но прежде всего я еще издали увидел и удивился: какое плоское место!

Ровная гладь огромного пруда, за ним невысокие (издали) и страшно ровные стены, довольно-таки далеко друг от друга стоящие башни...

Никогда в жизни такого плоского и ровного места не видел. Даже в степи...

В нижнем храме дождавшись окончания вечерней службы, побежал уже по темноте, догонять о. Моисея, эконома.

– ...Вот он, в корпус пошел, идите скорее...

О. Моисей благословил меня остаться:

– Переночуйте пока, а там посмотрим...

Мне рассказали потом, что он не очень-то хотел меня брать, подозревая пьяницу.

В так называемом «рабочем бараке» (нигде не зарегистрированный памятник архитектуры – странноприимный дом начала 20-го века) меня прежде всего накормили. Игорь накормил, бригадир трудников, он же по совместительству – повар (виртуозный), и еще под его началом был курятник, тот самый, который впоследствии сгорел. Выделили место, где спать. Еще тем же вечером я сидел на крыльце, курил папиросу, гладил кошку и разговаривал по телефону с сестрой:

– Да, я в монастыре... Ничего не делаю... Кошку глажу...

А как хорошо все начиналось!

А теперь дрянь всякая на ум приходит:

«И с отвращением читая жизнь мою...»

А как хорошо все начиналось!

Штуки три кошки жили у Игоря в келье. Еще одна жила у двери, в прихожей и на крыльце: ей просто нравилось спать вместе с собакой, которая была велика и в келье не помещалась. Еще два крупных пса жили просто на улице. И все на воле!

Кроме одного, Лорда (так его звали). Того иногда привязывали: очень кур любил.

А как хорошо все начиналось!

И у Игоря тоже. По крайней мере, обыкновенно. Школа, армия...

Но у него была сестра. Наверно, красивая. И из-за нее ему пришлось отрезать человеку уши.

Этот тип стал к ней приставать. Не ухаживать, а именно приставать, грубо, гадко... Сестра Игорю не жаловалась, другие сказали, и что ему было делать? – Он встретил этого парня в подъезде и отрезал ему уши.

Может быть, он правильно поступил, может быть, нет, я не знаю. Понятно только, что по-другому он поступить не мог... Выбора у него не было. Не было выбора!

Дали ему четыре. Потом еще три.

А потом он решил, что ничего этого ему больше не надо, пожил на свете, как мог, а потом пришел в монастырь. Не в монахи, конечно, но прожил он там уже довольно долго. Где-то он теперь?

А как хорошо все начиналось!

Звезды с неба падали. Похоже, часто. Некоторые были металлические... Из них делали мечи, ножи, топоры...

Потом это называли метеоритным железом.

Как хорошо было!.. Все само с неба падало...

А как хорошо все начиналось!

...А потом появилась просто Металлургия... Выковали доспехи для Голиафа и др. и пр...

...А потом «У бронзового Ивана Сусанина в Костроме руку отпилили и снесли в кабак. И в кабак взяли» (Ф. Достоевский. Дневник писателя. 1873 год, кажется). И так далее...

А как хорошо все начиналось!

Рано утром сосед, отставной военный, широко открывал окно, брал огромный нож и крупными кусками крошил на карниз колбасу и хлеб.

Тотчас слетались голуби и, толкая друг друга, хватали еду. При этом видно было, что колбаса им нравилась заметно больше, чем хлеб. То же повторялось и днем.

А потом он уехал, но голуби в привычные часы долго еще слетались, ждали, шумно толпились на карнизе, просто сидели рядом на грязной ветке соседнего тополя...

Не так ли и мы, слетаемся под привычные окна, где нам когда-то улыбалось счастье... Толпимся, суетимся, надеемся. Хлопаем крыльями.

И – иногда счастье снова нам улыбается.

А как хорошо все начиналось!

Еще недавно было утро. Большое, веселое. И трамвай звенел весело, как звонок с урока...

А теперь вечер. (Люди, простите меня, что вечер настал!)

Вечер, и на вытоптанной траве, где совсем недавно еще черные люди в черных кожаных куртках торговали черной черноземной картошкой и слабосолнечного цвета кукурузой, лежит пьяный толстый мужик с голым пузом. Спит.

И трудно поверить, что совсем недавно еще было утро...

А как хорошо все начиналось!

В монастыре жили замечательные коты и многочисленные голуби...

В монастырской «иерархии» голуби, конечно, главнее котов, но котам-то иногда удавалось ловить голубей, а наоборот никогда.

Коты в монастыре были удивительные. Некоторые даже летали. Правда, сверху вниз. Со стены. С диким нечеловеческим криком. Но это были коты-неудачники, потерпевшие временное поражение в беспощадной «внутривидовой» борьбе.

А вообще коты были знатные. Большие, медленные. Удивительно всеядные (когда кормили из рук), и откликались на любую кличку. Когда хотели. А когда не хотели, ни на какую не откликались.

Самого в то время главного чаще всего звали Василий (Васька). Вел он себя соответственно царственно.

Вот идет он по белому гравию, а за ним Володя, заместитель наместника по строительной части, зовет его ласково: Вась... Вась...

Кот идет сам себе. Не обращает внимания. Не хочет.

Все это видит и слышит иеромонах Дорофей, в недавнем прошлом послушник Василий, или попросту – Вася.

Когда кот и Володя уже прошли, каждый по своим делам, о. Дорофей, как бы ни к кому не обращаясь, просто в пространство замечает обиженным голосом:

– Вась... Вась... А откуда ты знаешь?.. Может, его Вовой зовут...

...Похоже, не забыл о. Дорофей своего нареченного родителями и данного при крещении имени, и название этим именем кота его не слишком радовало...

А как хорошо все начиналось!

А потом некоторый человек обнаружил, что у царя Трояна ослиные уши.

Сберегая свою жизнь, он должен был об этом молчать, но ему было невыносимо эту правду в себе таить... Она наружу просилась! Быть высказанной хотела...

...И выкопал он ямку, и, что знал, туда прокричал, и выросла на том месте березка...

А как хорошо все начиналось!

А теперь... А теперь все стало как-то непозволительно...

И пушка – не игрушка, и лягушка – не игрушка...

А как хорошо все начиналось!

Танька была маленькая, и звали ее Молекулой.

Когда я увидел ее в первый раз, она была чудо как хороша. Молоденькая, тоненькая, маленькая. Скромная, тихая. Большие глаза ее светились добротой и ласковостью. У нее был муж Слава (вместе приехали), и они оба стояли на паперти...

То есть не на паперти, конечно, кто б им позволил бы там стоять... Они стояли и просили у монастырских ворот. Танька просто стояла, а Слава подходил к машинам...

Обыкновенная судьба. Домашняя жизнь. Потом какие-то черные риэлторы отобрали квартиру... Дальше чистая лирика: улица, фонарь...

А Танька тогда была правда красивая...

Хотя Славе она, судя по всему, не изменяла, однажды ради нее угнали трактор...

Ребята с подсобного хозяйства немного выпили, угнали трактор и поехали на нем гулять: звали Таньку кататься...

Танька немного с ними проехала, метров сто, до моста, и вылезла, трактористы поехали дальше, долго катались и встали среди полей и оврагов: солярка кончилась.

Там стального коня задержала милиция: кто-то из местных жителей позвонил, испугались: по окрестностям гулял трактор, даже приблизительно не соблюдая никаких правил движения...

Двоих участников угона тогда из монастыря выгнали, а третьего все же оставили. Когда солярка в баке кончилось, двое ушли, а этот третий, молодой веселый парень остался: вроде бы сторожил обездвиженную машину...

На самом деле он, очнувшись, просто не мог понять, где он находится и не знал, куда идти... Пейзаж-то у нас неровный: холмы, овраги...

Танька Молекула во всем этом, конечно, не виновата, но трактор-то, возможно, угнали именно ради нее. Такая она была тогда еще красивая.

От бездомной, хотя и околмонастырской жизни Танька стала тускнеть, вянуть...

Несколько лет я в тех краях не был, а когда снова приехал и увидел Таньку, то едва узнал ее: это была больная старуха. Только большие глаза светились...

Прошлой весной Славка заболел, его забрали в больницу.

Танька ходила теперь с каким-то относительно юным бедолагой, смуглым и темноволосым. Мне, конечно, все равно, но как-то обидно было за Славку... Хотя это очень глупо, конечно... Какое мне дело?

А зимой Молекула умерла.

Замерзла в брошенном доме, где они, бездомные, ночевали.

Вечером, один из так называемых трудников сказал как-то между прочим равнодушно и почти даже весело (происшествие все же!):

– Там бомжиха какая-то насмерть замерзла, а друга ее в монастырь взяли...

Вроде бы и ничего особенного, все обычно, все привычно (привычно уже!), но больно ждалось у меня почему-то сердце.

Прощай, Танька.

Упокой, Господи, в мире душу рабы Божией Татианы...

Летом Славка приехал из больницы. Стоял грустный.

– Как дела?

– Плохо. Молекула-то умерла...

Об этом я уже знал. Не знал только, что звали ее еще и Молекулой. До этого она была для меня просто Танька.

А как хорошо все начиналось!

Индустриализация, электрификация, всевозможный ликбез и культурная революция... И металл, металл... Черное и цветное железо...

...И металла стало навалом, и с течением времени металл стал вдруг как бы никому не нужен, стал ничего не стоить. То есть: «в кабак не стали брать», а вот посадить за этот металл, даже если человек его просто на помойке нашел, очень даже могли. Так что беспризорного железа, как черного, так и цветного, скопилось в стране невероятное количество... И когда его снова если и не прямо в кабак, то, по крайней мере, в приемные пункты стали брать, к заветным дверям и окошкам выстроились длинные очереди. Почти такие же, как когда-то в ленинский мавзолей, за колбасой, за иностранными визами, а после – за водкой (чаем, сахаром, табаком и т. д.)...

Так я стоял однажды в хвосте, томясь ожиданием и страшной неизвестностью: достанет ли в моей ветхой котомке пресловутого цветного металла до необходимого (1 кг.) минимума, а следовательно – на шкалик...

...В квадратном дворе приемного пункта у станции, казалось, все было железное. В грязный грунт были втоптаны автомобильные клапана, болты, гайки, и всякий другой, не цветной, и тогда еще не слишком и не везде принимаемый лом.

А в небе невысоко летел, опускаясь, большой белый самолет.

На его шум я и поднял глаза от железного грунта и увидел, какое ярко-синее и прекрасное было над нами небо.

Господи, думал я, небо-то какое синее... И какое большое, а я его почти и не вижу... Может, я и теперь не поднял бы глаз, если б не шум самолета...

В это время что-то большое и тяжелое больно ударило меня сзади по ноге чуть ниже колена.

– Ах, извиняюсь, простите... Тут цыпленок у меня...

Это стоящий за мной в очереди гражданин не удержал на тележке свой ценный груз, и этот груз на меня наехал.

– Ладно... Ничего... Но при чем тут цыпленок?

– А... – ласково засмеялся счастливый металловладелец, по виду уже пенсионер. – Цыпленок, говорю... Облученный цыпленок, мутированный... С двумя головами... Хотите покажу...

– Цыпленок?

– Да, цыпленок... С двумя головами...

И в самом деле под старым синим одеялом на тележке покоилось две одинаковых, приблизительно полметра на полметра и сантиметров пять толщиной алюминиевые доски-вывески с какого-то новейшего советского учреждения с новым гербом: хищной двуглавой византийской птичкой...

А как хорошо все начиналось!

Ромка был художник, умел жить красиво и говорить красиво.

У него получалось. Он кое-что понимал в этой жизни.

– Вот, смотри, ветки на деревьях... – сказал он, когда мы выпили по второй. Мы стояли над рекой, на узкой тропе, был декабрь, но было тепло, снега не было, шел дождь... – ... Смотри... Ветки на деревьях... Какие они все кривые, некрасивые: точно как мы... Не отличишь одну от другой... Все одинаково кривые, одинаково темные и некрасивые... И как хотелось мне вот так, среди таких же корявых и некрасивых затеряться, спрятаться... И чтобы никто не нашел... Ведь мы все такие, некрасивые и одинаковые...

Ольха, верба, липа – все старые... Зимние деревья над рекой действительно неважно выглядели.

– Однако нашли меня... Жена нашла. Бывшая...

В тот день у Ромки был юбилей: два раза по пять лет. Он так посчитал: пять лет в Москве жил, и вот теперь в монастыре тоже пять.

– Тогда холодно было, а мне всего надарили, я с огромными сумками по морозу иду, думаю, может, половину выкинуть...

А за пять лет до этого, до монастыря, он приехал из своего Якутска, где кончил художественный институт, работал в Москве.

В том числе и на Арбате. Похоже, у него неплохо получалось. Тогда все это еще более или менее стихийно было, еще живое... И даже художники на Арбате настоящие встречались... (Все то же, все одно, неотвязное и неумолимое: «Как хорошо начиналось!»)

Стоял там и Ромка со своими работами. Продавались они, судя по всему, тоже хорошо.

– Там были как бы и религиозные сюжеты тоже, и я заинтересовался... Что же на самом деле я все-таки изображаю... Поехал в Иосиф-Волоцкий монастырь, и там меня крестили...

Но в Иосиф-Волоцкий монастырь его тогда жить не взяли, хотя он хотел: тогда там были такие правила, что благословить остаться пожить, как сказали ему, мог тогда только сам наместник, а наместника на месте не было... Посоветовали поехать в Боровск.

И вот 5 декабря Ромка поехал в Пафнутьев-Боровский... И здесь тоже прожил пять лет. Как в Москве.

– Там пять и здесь пять... Где дальше буду?..

Он это то и дело повторял: «Пять там, пять здесь... Пять в Москве, пять в монастыре...»

Вообще-то до этого вечера я с Ромкой пить опасался: не мог позволить себе таких длинных и бесповоротных запоев, как он. Мне было бы не по силам. Его к тому же все знали и вроде привыкли, а я тогда не так давно в монастырь приехал. Меня могли просто не понять. А в тот день он пришел на источник, где я убирал (т. н. «послушание»), с

бутылкой, сказал, что у него юбилей, и я не смог отказаться. Тем более день был такой... Страшненький... 5 декабря 2008-го года...

Небо над нами и над деревьями вдруг стало розовым. Яркое зарево охватило всю северо-восточную сторону... Это был не пожар и не «огни большого города», как при подъезде к столице. Наше небо освещали розы...

Да, розы... Просто неподалеку были теплицы. Гектары или десятки гектаров огромных стеклянных теплиц, где выращивали эти самые цветы.

Вот и теперь, ветер ли поменялся, тучи ли стали реже и выше, освещенное теплицами небо ярко-розовым светом запылало над нами...

На другой день утром я брел на свой источник, открывать купальню, и под кленом у братской могилы встретил Ромку. У него все продолжалось. Юбилей. Пока еще жизнерадостно. Помню, я ему что-то веселое рассказал, мы вместе посмеялись, но продолжать пить с утра я отказался категорически.

А вечером, возвращаясь в монастырь, за десять минут до закрытия ворот, я встретил у этих самых ворот Ромку.

Он не видел меня, и никого не видел. И не слышал. Или не хотел. Сидел в своем блестящем от дождя мокром плаще и плакал, уткнув лицо в колени. Это с ним бывало.

Я потряс его за плечо. Уговаривал идти в монастырь, спать. Он никак не отвечал.

Потом он разговаривал с мужиком из какой-то машины, стоящей у обочины. Плакал. Говорил, что никто его не понимает... После вина это у него (да и у него ли одного?) была обычная тема...

Человек из машины уговаривал не отчаиваться, говорил, это грех...

Не сумев привести Ромку в осмысленный вид и ввести в ворота, я пошел в наш желтый корпус спать.

Неприятно было, но не очень беспокоило. Это уже бывало. Уходя в запой, Ромка часто оставался за стенами. И на улице было не очень холодно. Все было привычно, обычно, знакомо.

...Искать Ромку начали дня через три. И по реке ходили, и вокруг.

Обнаружили его недели через три. И не Ромку, а тело. На Киевском шоссе.

Говорили, сбило машиной... Другие говорили, убили...

Язык у Ромы, когда выпьет, случалось, бывал очень ядовитый и озорной. Не злой, конечно, но язвительный и неуважительный...

Этой весной я был на кладбище.

Там как-то все рядом: и «Горгаз», и трансляционная вышка, и «Спецтранс» (вывоз мусора). Все возле кладбища. Кладбище, впрочем, наверно, раньше всех остальных там появилось. Другие институции к нему как бы пристроились.

Хоронили Андрея. Его действительно машина сбила. Действительно нечаянно.

В той части кладбища, где хоронят монастырских, земля тяжелая, глинистая. Хотя место высокое и сосны.

На Ромкиной могиле деревянный крест подгнил, упал.

Временно, пока вкопают, как надо, его прислонили к кресту Ивана Николаевича, тоже художника.

– Ничего страшного, – сказал батюшка, – они ведь дружили. Рома к нему часто в гости ходил...

А как хорошо все начиналось!

Да, и теперь все хорошо... Нет! Не все хорошо!

Слава Богу, не все хорошо!.. Слава Богу!

Когда все у нас будет хорошо, это будет катастрофа. Конец... Тогда уже точно совсем ничего не будет хорошего!

А как хорошо все начиналось!

Все Святые были хорошие. Очень хорошие...

Только вот Александр Невский наделал нам беды...

Даже от Александра Македонского не было, кажется, такого урона.

Конечно, Александр Невский был замечательный святой!

И великий полководец, и примерный князь. И шведов бил, и немцев одолел, и за Байкал поехал, в самый Каракорум. А это даже князю было тогда труднее, чем теперь самому простому человеку...

И неизвестно вообще, как бы без Александра Невского наша историческая жизнь сложилась...

Только вот случилось на его праздник слишком много Александров в обители...

И праздник Святого Благоверного князя отметили так торжественно, что многие поутру проснулись головами в кустах. И просто на грунте. И не только Александры. Еще один Слава, один Константин. И Альберт Неврюевич...

Иных на другой день, опасаясь дальнейшей беды, даже за ворота выставили...

Альберта Неврюевича, правда, оставили. Из уважения к почтенному возрасту...

Прости нас, Святой Александр!

А как хорошо все начиналось!

...Вроде и теперь все еще ничего себе, но дальше-то, дальше «горе ведь будет грешным в муку отсылаемым...»

А как хорошо все начиналось!

Только лед на огромном пруду перед монастырем долго не становился. И прочность его вызывала опасения.

Так что от Иордани на Крещение отказались по соображениям безопасности.

Как бы вместо этого в монастырь прибыл некий мастер, ему привезли лед кубами, и при помощи обыкновенной болгарки, бензопилы, дрели и еще чего-то такого он изваял ледяного ангела с трубой.

Вроде ничего особенного. Ангел как ангел. Ледяной. С трубой. Впрочем, я не специалист...

Конечно, ледяного ангела то и дело фотографировали...То есть нет... Никто его не фотографировал! По крайней мере, я ни разу не видел. Все просто фотографировались. С ангелом. Или на фоне ангела...

Как ангел таял, я не видел. Уехал раньше. Когда снова приехал, никакого ангела уже не было...

А как хорошо все начиналось!

...И у меня-то еще, может быть, все еще снова хорошо будет... При одном только условии.

Если смогу смириться. Если научусь... А я не могу смириться...

А как хорошо все начиналось!

Теплая осень была. Октябрь. 93-й год.

И мороженое было. Много мороженого.

Конечно, оно неважное было. Импортное. Просто сильно подкрашенная, сильно замороженная и слабо подслащенная вода...

Кажется, все в тот день ели мороженое.

При этом обнимались, смеялись. Счастливые на вид парочки на Арбате. И просто веселые, хорошо одетые и довольные жизнью люди...

А по левой стороне Арбата эхо часто так и негромко щелкало: автоматные выстрелы.

А на Арбате все улыбались, обнимались, весело ели плохое мороженое... Будто и не слышали. Или будто так и надо...

А потом и крупнокалиберный пулемет ударил. И пушка танковая...

Но я тогда уже на Смоленскую площадь выходил...

...Я спешил, почти бежал... Бежал туда, где стреляли...

Хорошо еще, что я слишком приблизительно знал, что там и где происходит, не то непременно бы куда не надо сунулся, и не сносить бы мне тогда головы...

...Нет. Ни за «красных» я не был, ни за «белых».

Просто какой-то необходимостью считал для себя «присутствовать»... Видеть, быть, присутствовать...

А на самом деле, может быть, все проще было. Просто «есть упоение не только в бою», и «у бездны мрачной на краю»...

Вот и бежал туда, и другие, я видел, точно так же бежали...

Просто потому что: «И в разъяренном океане... и в аравийском урагане, и в дуновении Чумы...»

А как хорошо все начиналось!

Пресня. Зоопарк. Пони. Эму. Слон. Верблюд. Кенгуру... И я между клеток хожу, маленький. Хожу среди больших зверей и никого не боюсь. Потому что они в клетках... Но это же не самое начало... Когда-то ведь звери в клетках не сидели...

3.

А как хорошо все начиналось!

...И Адам не был еще изгнан из рая...

Как хорошо все начиналось!

А теперь в сутках только 24 часа. А я так спать люблю! А еще я и не спать люблю...

А как хорошо все начиналось!

А дальше что будет? Завтра?

Завтра? – Завтра уже мы будем уже совсем другие люди.

А если еще война?

А как хорошо все начиналось!

Капля, говорили, камень точит.

Только вот сами разбиваются вдребезги... А камни и ныне там...

А капли, они тоже жить хотят...

А каждая капля – «она тоже люди...» – Так еще Дерсу Узала говорил...

А как хорошо все начиналось!

Да и теперь все не плохо... И я хороший. И все мы хорошие. Не верите? Правда.

Вы только подумайте, каковы могли бы мы быть... Даже представить страшно!

А как хорошо все начиналось!

Крым. Коктебель. Гора. Могила Волошина. Много, конечно, красивых мест на земле, но это... Однажды, посидев наверху, я сошел вниз, у меня еще было немного вина, а спичек не было, кончились.

Внизу горел маленький костер, люди варили мидий, стоял «запорожец» (не казак, а автомобиль), сидела компания. Местные, крымские жители, приехали на море.

Я подошел прикурить, посидели на песке, поговорили, немного выпили вместе.

Хорошо было с ними. Только немного завидно: какие они все молодые, легкие, веселые, простые... Главное, простые... Я сказал между прочим: «Там вот, наверху был... Там могила Волошина... Кто он такой?.. Писатель, художник... У него были замечательные акварели всех этих гор и моря...»

– Да, здесь у нас все такое... Художественное, историческое...

Выяснилось, что хозяин «запорожца» тоже имеет к нашей и здешней живописи непосредственное отношение:

– Мой прадед тоже, – сказал он, – был кучером у Айвазовского.

Как хорошо все начиналось!

А через день я уехал. Отпуск кончился, и билет был взят.

А как хорошо все начиналось!

Случился Карибский кризис, и довольно-таки легко разрешился. Относительно легко, конечно. У нас здесь все относительно...

А потом какие-то нехорошие люди убили президента Кеннеди...

...У нас тогда телевизора, конечно, не было. Мы были с мамой на Шаболовке, в гостях у дяди Лени. Он был, собственно, Алексей Федорович, и мне приходился троюродным дедом, но так уж его все звали – дядя Леня.

У него был телевизор, и жил он почти под самой Шуховской башней: после многих лет в коммуналке как инвалид войны получил там квартиру.

И вот новости. Или экстренный выпуск: Кеннеди убили.

Я сидел на полу, на ковре и сдуру закричал во всю глотку: «Ура!..» – В самом деле: вражеский же президент...

Мать закричала дрожащим голосом:

– Ты что!.. Ты что!.. Что ты говоришь!.. Чему тут радоваться?..

Она так это сказала, что даже я, малолетний дурак, понял, что совсем не то что-то сказал...

А как хорошо все начиналось!

Спали!

А как хорошо все начиналось!

...А теперь... Что прогнозируется – никто не знает. И куда прятаться от того, что прогнозируется, тоже никто не знает...

А как хорошо все начиналось!

В позапрошлом, кажется, году, на Сретенье я решил устроить себе праздник.

И устроил. Пошел на службу в такой дорогой моему сердцу храм Св. Николая в Кузнецях. Расписания служб я, конечно, не знал, и потому не опоздал, а наоборот, пришел раньше. Оказался почти у самого аналая. Праздник!

И вдруг служба прерывается. Выходит молодой батюшка и читает. Поздравление с праздником... От патриарха...

С «днем православной молодежи»...

Может быть, я дурак, но я едва не застонал от «мучительного несоответствия».

Думал, может, из храма выйти, уйти, убежать... Оглянулся, сзади люди стеной, полный храм... И не выйти...

Плакать захотелось... Неужели у нас настоящих праздников мало... Неужели еще такие чудеса выдумывать... Зачем?!.

Между тем, молодой священник дочитал, что положено, и вышел настоятель, отец Владимир:

– Да, конечно, праздник православной молодежи... Молодежь у нас должна, конечно... И все другие правильные слова...

– ...Ну, раньше-то этот праздник как бы стариковским, что ли, считался... Святому Семеону Богоприимцу-то очень немало лет было...

Все! Отпустило. Оттаяло. Праздник вернулся.

«Ныне отпускаеши...»

А как хорошо все начиналось!

Чудес хотелось... А разве теперь не хочется?

А как хорошо все начиналось!

Давно, правда, это было. В девяносто каком-то году. В Крыму. В Планерском.

Еще не совсем осень была. И на деревьях листья.

Домик и дворик перед домиком. Домик маленький, но белый-белый. Такой белый, что глазам больно. И дворик перед ним маленький, и во дворике садик. Тоже маленький. Деревьев семь или восемь... Сливы, яблони... Молодые, тонкие. Но не только плодов, даже листьев на них нет. Ни одного листика. Только на краю, на одной сливе, на самом верху два или три еще зеленых листа, такие яркие, такие веселые... А перед этим деревцем стоит на задних ногах белая коза и ласково так к ним тянется...

А как хорошо все начиналось!

Лето. Начало вечера. Переулки влево от Павелецкого. Я выхожу на Щипок. На перекрестке бомж. Бездомный человек. Старый. Очень худой. На костылях. Одной ноги выше колена нет. Бездомный и безногий. Крошит хлеб. Голуби подлетают.

– Ах, как хорошо, – говорит он, – и сам покушал, и птичек покормил... Как хорошо! Слава Богу... И лицо его радостно светится.

А как хорошо все начиналось!

«Средь берез и облаков

Стоит школа дураков» –

дразнилка была такая.

Берез там, правда, никаких нет. И не было. Облака были. Белые. Пролетали. Но немного. Потому что из-за высоты домов (и улица не очень широкая) неба там не очень много видно.

Школа дураков стоит. Вернее, здание школы. Дураков нет. Выбыли, выехали или поумнели. В том доме, добротном, темно-красном, кирпичном, с высоким крыльцом, живет теперь какой-то арбитражный суд, то есть, исключительно умные люди. Зато школа напротив, которая прежде была нормальная, обыкновенная, № 519, теперь – «школа коррекции». То есть она теперь стала как бы вместо школы дураков.

...Я в Школе Дураков не учился. А учился напротив, в 519-ой.

...«Наши», из «нормальной школы», «дураков» из школы напротив, дразнили. Обижали. Даже камнями кидали. У них учебный день был короче, они уходили по домам как раз, когда у нас была перемена перед последним уроком.

Я «дураков» не дразнил. Я их боялся и, может быть, немного жалел. Но больше боялся. Не потому что они могли быть какие-нибудь опасные «дураки», в этом смысле я сам был тогда вполне бесстрашный дурак. Я боялся их тронуть, «прикоснуться», даже смотрел с осторожностью. Как на нечистых, «заразных». Брезговал. То есть не сострадание хранило меня от греха, а брезгливость.

Может быть, подсознательно чувствовал и в себе что-то такое, за что их в отдельную школу определили...

...Особенно помню одного. Огромного роста с большими глазами и в огромных очках. Лицо его всегда было повернуто вверх, к небу... Его не трогали. Он не ходил один.

Его из школы забирала бабушка. Рядом с ним, огромным и беспомощным, она казалась такой маленькой...

А как хорошо все начиналось!

А теперь вот в монастырь новые трудники прибыли. Четками весело помахивают, как юные ослики хвостами.

Всему удивляются: «Ну, тараканы, в натуре...»

Скоро начнут «Отче наш» учить. Если, конечно, на общую трапезную ходить будут.

Спаси их, Господи! И нас спаси... Уж очень они хитрые, которые с четками...

А как хорошо все начиналось!

Все было. И 9 было, и 10. И половина одиннадцатого. А теперь все это прошло. Полдень скоро.

А как хорошо все начиналось!

...Только к чему это? «Как хорошо все начиналось!..» да «Как хорошо все начиналось!..»

Зачем оглядываться? Зачем в прошлое смотреть? Надо в будущее...

Так и я в будущее смотрю. Полдень скоро. А там, может быть, Бог даст, и обед.

4

А как хорошо все начиналось!

Вот кошка у нас, такая худая, такая маленькая, такая глупая, а попостилась два дни (некому было покормить) и – голубя поймала...

А если и мне, например, два дни усердно попоститься, может, и я кого-нибудь поймаю? Только б лишнего или ненужного чего-нибудь или кого-нибудь не поймать...

Как в народных рассказах о балканской войне:

– Иван! Ты где?

– Я турка поймал!

– Так веди сюда!

– А он не идет!

– Ну, так сам иди.

– А он меня не пускает...

Так что, может, лучше и не пробовать?.. И не поститься?..

А как хорошо все начиналось!

Начиналось, начиналось, начиналось...

Миша – строитель. Плотник. По опалубке. Он маленького роста, лысый, страшно худой, очень веселый, живой, с богатой мимикой и выглядит молодо.

Последнее, что он строил, перед тем как нам случилось познакомиться, было нечто под названием «Москва-Сити». На Пресне. Получилось не очень.

Не только в том смысле, какая чудница в конце концов, уже без Миши, состроилась, но и в том смысле, что ему не заплатили, как теперь говорят, «кинули»...

То есть не совсем кинули, что-то все же заплатили, но совсем не то, что обещали... Получилось, работали почти даром.

«Дело в том, – объяснял Миша, – что уже сделанное то и дело приходилось срубать и переделывать... То ли проект менялся, то ли что-то пересогласовывали... А бетон там был М700 и щебенка гранитная...»

А за ломку и переделку им не заплатили. Вот и получилось, что зря работали...

Мы с Мишей часто курили на лавочке, разговаривали. С ним было легко, просто. Никакими сверхценными идеями он нагружен не был и другим не навязывал...

Живой человек. Настоящий. Скромный, как бы даже немного застенчивый...

Кое-что про себя он все же рассказал. Военный. Майор в отставке. Афганистан. Не десант. Горнострелковая дивизия. Единственная в Вооруженных силах.

Майорские погоны Миша проносил недолго: в девяносто первом году уволился. Написал рапорт. Поэтому никаких особенных военных пенсий он не получал. Только «военкоматовские»: за ранение...

«Под минометы попали... И вот как вышло... Ребята вынесли...»

Он как будто даже удивлялся, что его не бросили. Улыбался...

Так случилось, что некоторое время спустя Миша при мне в первый раз в жизни готовился к исповеди. Задавал всякие вопросы.

Я, как мог, не отвечал. Старался не отвечать. Отсылал к священнику.

В самом деле, я сам дурак, что я могу объяснить и какое имею право?

Но Миша все равно спрашивал:

– Но вот тут-то как... Непонятно... На войне был... Стрелял, убивал... Это как бы понятно... Война... Но ведь я и своих раненых приказывал добивать... Это-то как?.. И по-другому нельзя было... Такая война была...

А как хорошо все начиналось!

Но... Все проходит. Времена меняются. Имена меняются. И Василий Андреевич был когда-то просто Васей. И Чингисхан был сначала Темучином...

То же по географии. И Петербург стали звать сначала Петроградом, потом Ленинградом, а потом переназвали обратно...

И в Калининской области был город Калинин. А потом его обратно переименовали... И вот однажды:

Негритенок из города Тверь
Постучался в известную дверь
И сказал: «Я ни в чем не повинен,
Но по матери – тоже Калинин.
И нельзя ли мне тоже теперь
Проживать под фамилией Тверь...»

А как хорошо все начиналось!

Жили-были две сестры. Знатные, богатые женщины. Боярыня и княгиня. Феодосия и Евдокия. Верные дочери своего времени.

Молились, трудились, постились... Веровали и верили! Боролись и не сдавались...

И за все это самое или просто из-за стечения обстоятельств и «исторической ситуации» («текущий момент») их замучили в земляных тюрьмах (в ямах) в Боровске, на Городище. Страшно и больно читать, как об этом в их житие рассказывается:

Просит Феодосия (в иночестве Феодора) стрельца:

– Принеси калачика...

– Не смею, матушка... Боюсь...

...Теперь там Крест и часовня. Новая, блестящая, Старообрядческая.

Слева от часовни – Нарсуд. За ним – ДОСААФ... Впереди, над обрывом, за железной оградкой небольшой камень с железной кованой розочкой, грубовато выкрашенной в зеленой цвет, и надписью с обещанием поставить здесь памятник героям – 1380-го года.

Справа – Управа, Народное собрание – и еще чего-то такое же, простым людям совершенно непонятное, удивительное и загадочное. И не запомнить даже: на особняке четыре вывески и два флага.

Перед часовней длинный деревянный зеленый дом с белыми железными решетками на окнах, в нем обитает что-то кадастровое и топографическое...

Но ближе всего Нарсуд. И к часовне, и ко Кресту...

Между управой и топографически-кадастровым домом припаркован автомобиль. «Газель». На «газели» написано: «Программа “Счастливое материнство”. По Калужской области...»

Что бы сие значило? Может быть, они на этой новенькой синей «газели» по Калужской области Счастливое материнство развозят?

Кто посмеет сказать, что чудес не бывает... Может, и развозят... Полный автомобиль счастливого материнства...

А с другой стороны от Нарсуда и как бы на пути к нему – памятник Циолковскому. Но на идущих (и на ведомых) в суд Циолковский не глядит: он в небо смотрит...

А как хорошо все начиналось!

Еще бы не хорошо! Если б уже и начиналось нехорошо или недостаточно хорошо, что б теперь с нами было...

А как хорошо все начиналось!

Только заповеди «Не судите» я не знал. Судил других, себя приговаривал.

И вся моя жизнь в осуждении, как в поганом огне, сгорела...

Не судите!.. Не судите? А когда война?

А когда у нас не война?

А как хорошо все начиналось!

Шел человек к Богу...

А пришел в монастырь.

Бывает, конечно, и наоборот... Всякое бывает... Все мы люди...

А как хорошо все начиналось!

...Самое, может быть, страшное, что я видел, когда расстреливали Белый дом, это один мужичонка, скромный, немолодой, серый. Он, когда из танка выстрелили, и из окна пламя вылетело, и дым пошел, и, возможно, кого-то убили, от радости запрыгал, в ладоши захопал: «Попали! Попали!» Как будто можно было не попасть...

И почему я его тогда в реку не сбросил?

Это его радостное «попали!» было страшней даже, чем сама стрельба из танков по людям...

«Попали! Попали!» – И смеется. И слабенькими руками машет...

А как хорошо все начиналось!

Господи! Прости меня. Прости нас. Прости всех.

Хорошая молитва. Отец Силуан научил. Жаль только – вспоминаем редко...

А как хорошо все начиналось!

Начиналось, начиналось, начиналось...

Случается, и теперь еще начинается...

А как хорошо все начиналось!

Прыгал, скакал, без ума смеялся, жил рассеянно...

А теперь: «Тише, тише, не спугните...»

А как хорошо все начиналось!

Тепло не по-мартовски. Большая липа у забора. Стоит, что-то слушает. Пока молчит.

Собака тихонько бежит. Белая. Но грязная. И поэтому серой кажется. Но как она ловко на четырех бежит! И хвостом помахивает.

...А я вот, сколько ни пробовал на четырех, никогда у меня ловко не получалось. Всегда нескладно, неловко, медленно...

Неужели я хуже собаки? А что? Очень даже может быть...

А как хорошо все начиналось!

Только с книгами трудно было. Иных было вообще нельзя было достать... Моисеево Пятикнижие я в первый раз прочел по изданию Одесской хоральной синагоги... Просто другого не было. И негде было взять. Это бы, может быть, и ничего... Только ведь за три дня! Все Пятикнижие... За три дня. Ровно на три дня Светка книгу дала... И, разумеется, строго секретно...

Евангелие у меня, правда, было. Маленькое, старое, русское. Бабушка где-то достала...

Зато как все дорого было! Как трепетно...

А теперь – всё в огонь. Все подряд: иконы, книги... Это не иконоборческая ересь.

Скорее, наоборот. Слишком наоборот. Страшно много всего «воспроизводится»... И все это, оказавшееся вдруг лишним и ненужным, называется теперь «непопираемым мусором»: в помойку нельзя, только в огонь.

А как хорошо все начиналось!

Ученый философ и библиотекарь Николай Федоров думал: «Чист человек и мир только в его источнике, в его детстве: детство и есть возвращение к началу».

...Может быть, это правда... Только я этого не помню. Совершенно не помню себя в том детстве, которое можно было бы назвать невинным. Сколько помню себя, всегда был грешен...

...Большой шкаф в комнате.

На дверце зеркало: до самого пола. Я в него смотрю, и мне не нравится, что я вижу. Я кажусь себе некрасивым. Я не нравлюсь себе. То есть внешность. Мне хотелось бы быть другим. Красивым. Я смотрю на себя и мне мучительно трудно видеть себя некрасивым...

Сколько мне лет? Три? Или еще меньше?

... А детский сад это вообще сплошной грех.

Я собирал на улице грязные камни и черепки и мечтал стать то геологом, то археологом. И о женщинах мечтал... Одно слово: детский сад.

А как хорошо все начиналось!

Однажды зимой в воскресенье мороз был градусов до двадцати, и все или почти все утки с поймы Сетуни и соседних прудов бросили свои водоемы и пошли вверх, к пивной стекляшке. Холодно!

Было воскресенье, и все сквозь толпу уток шли, утки красными лапами по снегу и льду топчутся и кричат: не просят, требуют...

Кругом: Кря-кря-кря... Как бы не наступить...

...Теперь в городе уток меньше.

Наверно, съели их. Несмотря на условную непригодность в пищу...

Сначала продовольственные трудности и недостатки, потом всеобщее подорожание и обнищание... Скушали уток.

А как хорошо все начиналось!

И мы были почти совсем дети. Только выглядели как взрослые, и паспорта у нас были... А скоро и своих детей завели... Хоть и сами еще дети были...

Только и тогда уже случалось мне (да и не мне одному) видеть во сне ядерную войну... Вернее, ее начало... Всегда просыпался раньше, чем все должно было кончиться...

Не мне одному снилось. Мне и другие такие свои сны рассказывали.

И снилось всем одно, и снилось как-то довольно одинаково...

Два главных душевных устремления управляли наши сны: «успеть все, что можно успеть» и «теперь уже все можно». Ну, и конечно, отчаяние...

...Правда, слесарь Илья, три года отслуживший в ВМФ, побывавший в экваториальных морях и даже высаживавшийся со своим мичманом на берег где-то в Западной Африке (в увольнение, и африканское вино там пил), и в свои 22 года уже отец троих детей, собирался во сне еще и обороняться: вытаскивал на балкон пулемет «Максим» (наверно, из кинофильма «Чапаев»). Но и он тоже прежде всего спешил «успеть все, что можно успеть»...

Потому что потом уже больше ничего не будет... И пулемет (из кинофильма «Чапаев») не поможет.

Мы с ним в одной смене работали, и он так весело рассказывал мне этот свой сон, спокойно и жизнерадостно.

...А мне ко всему в придачу еще приснился однажды мой кот. И это было самое страшное. У меня был тогда чудесный кот. Умный, любимый, свой...

И вот я встретил своего кота в страшном сне про ядерную войну... Уже после того, как я разрывы слышал, и вспышки видел, и падал от них под каменный заборчик, приблизительно так, как учили на военной кафедре...

Георгиевская церковь возле Балчуга показалась мне наклонившейся... Это возле нее я под забор падал: как учили на военных сборах... Когда увидел «вспышку»... А за церковью дым... Я, правда, и не знал тогда, что она Георгиевская, и в Ендове, для меня она просто старая «недействующая» церковь была... Маленькая, серая, красивая... И вот она качнулась, покосилась...

А потом из-за забора выбегает мой кот, испуганный, недоумевающий...

И я изо-всех сил постарался спрятаться, чтоб он меня не заметил. Больше всего на свете в тот миг, во сне, я боялся, что он меня увидит...

Что я ему теперь скажу, чем помогу? Теперь все уже... Теперь я уже ничего не могу.

«Беги теперь сам, – прошептал я ему мысленно, – от меня уже нечего ждать... Теперь я и сам беспомощный...»

А как хорошо все начиналось!

Жил-был Зенон. Не сирийский отшельник и не ювелир из Лескова, а простой древний греческий философ. И были у него Апории. Это такие двоедушные и неопределенные существа. Затруднительные и затрудняющие. Унылые и недоуменные. Он их сам из головы выдумал. Про Ахиллеса и черепаху, про Лжеца (почему-то с остова Крит)...

А одна такая Апория рассказывала о том, что когда одно зерно падает, ничего как будто и не слышно, а если целый мешок высыпать, то это совсем другое дело, а почему так получается, вроде и непонятно...

...Ну, а у нас про это безо всякого Зенона совсем по-другому знали. Мужик в кабаке спрашивает:

– Сколь стоит капля водки?

– Капля? Нисколько... Ничего не стоит.

– Ну, так накапайте мне стаканчик...

Не так ли и капли, которые камень точат?..

А как хорошо все начиналось!

А потом сгорела библиотека. Российской академии наук... Жалко, конечно... Только как-то не очень жалко...

Все хорошо начиналось! Большие надежды... Молодость, бедность.

Но бедность угнетала. И заработать что-нибудь никакой возможности не представлялось.

«Советская власть» образца «развитого социализма». Инженерная зарплата.

На «рабочие» должности, где хоть как, но все же платили, меня не брали: во всей моей библиотеке трудовых книжек не было ни одной, где на первой странице не стояло бы хотя бы «незаконченное высшее образование». А с таким диагнозом официально разрешалось тогда только в инженеры.

Дополнительных заработков простому человеку тогда тоже найти трудно было. Однако кто-то находил. В том числе и в этой самой библиотеке, которая теперь сгорела. Оформляли какой-то договор, брали в этой самой библиотеке (которая сгорела) какие-то издания или оттиски статей, писали аннотацию (краткое содержание) и – получали, трудно вообразить, десять рублей...

...Но сколько, помню, ни подымался я по высоким и широким библиотечным ступеням, ни разу для меня работы не находилось... Ни пока учился, ни когда «инженерствовал»... Ни диплом не помогал, ни относительно приличный (тогда еще) «французский письменный»...

А один мой приятель (учились вместе) хвастал: «Как же... Я вот подрабатываю (все в этой самой библиотеке, которая сгорела)... Мне дают статью, я коротко пересказываю, и все... Если иностранные слова или названия надо впечатать, вставлю в другую машинку, с латинским шрифтом... У меня с латинским шрифтом машинка хорошая, маленькая такая... Когда отец в 68-м году в Чехословакии в командировке был, они там типографию разгромили, и ему оттуда машинку подарили...»

Как же хорошо все начиналось! И работы в еще не сгоревшей тогда по общественным наукам библиотеке для меня не находилось, и даже машинки такой у меня не было... Из разгромленной чехословацкой типографии... Слава Богу...

А как хорошо все начиналось!

А теперь?

А теперь он с бутылкой в руке и с собакой на поводке.

Но в бутылке Эссентуки, а собака – болонка...

А когда-то был дог ростом с теленка...

А как хорошо все начиналось!

Только давно это было. Ученый философ и библиотекарь Федоров не очень любил называться ученым, понимал, как это нехорошо... По самому своему положению ученые не обязаны, говорил он, иметь ни сердца, ни воли...

А как хорошо все начиналось!

А теперь никакого покоя... Никуда не спрятаться. Всюду эти «колхозники»! То один придет, то другой. Всем что-то надо. Мешают про Общее Дело читать...

А как хорошо все начиналось!

Только французы говорят: Si la jeunesse savait, si la vieillesse pouvait... Если бы молодость знала, если бы старость могла... Дураки французы! Ведь если бы «молодость знала», кто, скажите, пожалуйста, дожил бы до старости?

А как хорошо все начиналось!

...Опять то же самое... Начиналось, начиналось, начиналось... А что делать? Надо же хотя б за что-то держаться, а то я совсем упаду... Хорошо уже и то, что хорошо начиналось...

А как хорошо все начиналось!

Помнить бы еще это самое. Это странное, очевидное и невероятное: «Не судите!..»

5.

А как хорошо все начиналось!

А потом стали привыкать.

К хорошему. И привыкли. Нехорошего захотелось.

А как хорошо все начиналось!

...Раньше людей делали из стекла. Они были хрупкие и прозрачные.

Каждый, конечно, со своим коэффициентом преломления, загрязнения, закопченности, окрашенности и закрашенности.

Теперь технологии разнообразнее. Для изготовления и производства людей все чаще применяется пластик, эластомеры, железо (гвозди, конечно), композитные материалы, а так же, разумеется, различное вторсырье...

А как хорошо все начиналось!

...А разве теперь плохо! Женщина в сарафане: лицо вульгарное и глупое до умопомрачительности... Возможно ли мне не влюбиться? Но ведь и другая тоже... И глупая, и вульгарная... И сердце мое волнуется, и я влюбляюсь...

А как хорошо все начиналось!

А теперь я справедливости хочу... Устал от несправедливости... Ах, как я справедливости хочу! Но это, конечно, только до тех пор, пока она не настала, пока она не настигла... А если она вдруг настанет (избави, Господи!), мне ее в лучшем случае совсем не захочется... Мне тогда совсем не до нее будет...

А как хорошо все начиналось!

Помню, давным-давно я в троллейбусе ехал. Была зима. И поэтому все в троллейбусе были неуклюже одеты... Изо ртов шел пар. Водитель объявлял остановки... И маленький мальчик, услышав название, у бабушки спрашивает: «А Никитские ворота – это в честь Никиты Сергеевича?»

А как хорошо все начиналось!

А теперь... А теперь даже днем, даже на работе приходится иногда притворяться спящим. Чтобы не разговаривать и на вопросы не отвечать...

А как хорошо все начиналось!

И не очень много вроде голов оторвали, а какая хорошая картинка получилась. У художника Верещагина. Называется «Апофеоз войны». Только, кажется, никто, к сожалению, не рассмотрел пока...

А как хорошо все начиналось!

А потом таракан, как у Достоевского в романе «Бесы» сказано, попался в стакан...

А как хорошо все начиналось!

Лет десять назад я на электродном заводе работал. Было пыльно и скучно. Но сколько всякой наивности было и надежд... И многое казалось еще таким смешным и ненастоящим... Я еще и стишки сочинял. Глуповатые, чтоб не сказать хуже:

С их Запором под нашим забором,
Что хотят чужестранцы творят:
Запорожец стреляет мотором,
Из глушителя искры летят.

Мы пошлем им в ответ *Made in Russia*,
Мы настигнем их ночью и днем:
Чужестранцы стреляют по нашим,
Мы ударим фронтальным огнем.

Мы сметем их в геройской атаке,
Мы рванем на них, как на пожар...
Запорожец сверкает во мраке
Озверевшими лампами фар.

Мы покроем их вечным позором.
Натерпелись. Пора. Перебор.
Нам не нужен за нашим забором
Ихний шумный и дымный мотор.

И никто нам на свете не нужен...
Но любви и добру вопреки
Загородки внутри и снаружи
Разрастаются, как сорняки.

Эта крайность с погибелью схожа.
Отвратительно грустный сюжет:
Ведь не только чужой «запорожец»:
Все и вся за оградой уже.

Огорожено, краше не надо,
Этой дряни не видно конца:
Турникеты, заборы, ограды,
Разрывают на части сердца.

И не все пережили разлуку...

И если б знал, что теперь все это так несмешно вспомнится и отзовется...
А если б знал, что б я сделал? Ничего бы не смог... Только, может быть, от сочинения безответственных стишков воздержался бы...

Электричка. Рельсы. Мост. Проспект. Электродный завод. Проходная...

А как хорошо все начиналось!

Браки, говорили, заключаются на небесах...

А сегодня (услышал нечаянно) девушка подругам говорит: «Ну, нет! Знакомиться надо только в монастырях...»

Жадноватого вида и некрасивая...

...Однако, знакомиться они предполагают не всеми подряд, а только с «условно-благополучными», а таких в монастырях, как правило, не большинство, так что часто подолгу приходится бедным ждать своего счастья... А если еще учесть что у многих «условно-благополучных» другое на уме или другие на уме...

А как хорошо все начиналось!

...Только наивно думать, что когда-нибудь кому-нибудь легче было ...

А как хорошо все начиналось!

А теперь вот я, как глупый попугай, повторяю: А как хорошо все начиналось!.. А как хорошо все начиналось!..

И буду повторять!.. Потому что – правда... И забывать нельзя. Неблагодарно.

А как хорошо все начиналось!

Дяде Лене повезло. Ему выбило глаз.

В самом первом бою. В 41-м году. И пуля так удачно попала, что только выбила глаз и прошла навывлет, расколов кость, но ничего больше жизненно-важного не задев.

Благодаря этому он, может быть, и остался в живых. Он был пулеметчик.

И после ранения до конца войны благополучно провоявал он с одним глазом в качестве военного фотографа.

Ездил со своей техникой по частям и делал бойцам и командирам снимки на документы и просто так, для себя, то есть в основном, конечно, для посылки родным.

Он и после войн остался фотографом, поступил в этой должности в Горный институт, где и проработал долгие годы. Зачем-то заодно годам к сорока пяти заочно его и окончил.

Вероятно, фотографом он еще понемногу самостоятельно подрабатывал.

Помню, дома у него были огромные увеличители, видел, как он ретушировал: очень тонкой кистью что-то поправлял в снимках тушью...

А как хорошо все начиналось!

Прыгал, скакал, без ума смеялся...

А теперь пожиная грустные плоды унылой беспечности...

Все-то я проспал: и раздел и передел собственности, и раздачу способностей и талантов... Что делать? Даже на самое бесовское не гожусь... Даже в милицию меня не возьмут, а если возьмут, то не на службу, а только в задержанные...

В дворники теперь тоже нельзя, потому что я русский: дискриминация по национальному признаку... Даже в Даниловом монастыре в Москве убирает и подметает теперь «молдавская мафия»...

В депутаты стыдно... Да, и где столько денег взять, чтобы устроиться... В охрану – противно...

Стыдно беспечному! От беспечности то и дело забываю даже, что жизнь прекрасна.

Так и живу. Что приснится, то и выпью...

А как хорошо все начиналось!

А теперь праздник. Торжество Православия.

Сейчас всех анафеме предадут, и будет обед.

А как хорошо все начиналось!

Даже стихи про это есть:

Какие люди прежде были,

Про ни не скажешь «Жили-были»

А как хорошо все начиналось!

Дураки. Дороги. Дороги. Дураки.

А теперь бы мне это все в одно связать: бросить все и в дураки пойти. В дураки с большой дороги... Только ведь и на это сил надо... Хотя бы душевных...

А как хорошо все начиналось!

А теперь все как-то немного измельчало. И мы измельчали. Не богатыри. Ни капли.

Трудящиеся (просящие) у монастыря цыганки, мерзнут на ветру и недовольны: что ж так долго, когда ж это служба кончится, и люди из храма выходить начнут... Не знают, про Торжество Православия.

А как хорошо все начиналось!

А теперь капли, камни... Мелко, подло, суетно и не по-геройски.

Ну, камни это еще, может быть, не очень мелко и не всегда суетно, особенно пока их не собирают и не разбрасывают, и если они крупные, но капли... Их же десятки, сотни мириад... Падают и разбиваются, падают и разбиваются. Камни точат...

А как хорошо все начиналось!

А теперь забываем.

Слава Богу забываем.

И Господи, помилуй забываем.

Все забываем. И благодарить и славить...

А как хорошо все начиналось!

Только так давно это было, что нам уж и жаловаться грех...

В историю, хоть в дальнюю, хоть в ближнюю, хоть в самую ближнюю загляни: кровь и слезы, кровь и слезы... Всевозможное взаимонепонимание... Сколь ни говори «как хорошо все начиналось», а предыдущие-то поколения, наши даже родители труднее нашего жили... Правда, и честнее, может быть, и достойней...

А как хорошо все начиналось!

А теперь как-то у нас то и дело не совпадает: то некого покормить, то нечем...

А как хорошо все начиналось!

А теперь... А теперь... Конечно, сами во всем виноваты:

Мы зажигаем лампы, и тогда начинается вечер...

А как хорошо все начиналось!

А теперь Памятники... Eхegi, говорит, monumentum...

Князю Владимиру (слышали?) памятник в Москве поставили... Возле дома Пашкова... А некоторые не хотели... На Юнеску ссылались... А почему не хотели? Чего тут такого?

Где-то, говорят, плавленому сырку памятник поставили, где-то граненому стакану, в Питере – Петру Великому (новый, и не всадник) и Чижик-Пыжику... А сколько еще всяких... Почему бы и князю не поставить?..

Но дело не в этом...

Перед Иосиф Волоцким монастырем памятник преподобному.

И многие проходящие в монастырь и приезжающие на автомобилях, останавливаются перед памятником, подходят, крестятся и кланяются, будто это икона...

А рядом, у ворот или на лавке под деревьями то и дело кто-нибудь очень умный из монастырских наблюдает это и всякий раз вслух возмущается: «Что они делают? Ничего не понимают! Это же не икона... Это просто памятник...»

Другой раз уже и времени довольно много пройдет, и вечер наступает, и к памятнику никто нейдет, и вокруг никого, а он, бедный, все повторяет: «Дураки!.. Это ж не икона, а памятник...»

А он иногда и вечером в монастыре не может успокоиться и рассказывает:

– Подходят, крестятся, кланяются... А это же просто памятник...

А как хорошо все начиналось!

Начиналось, начиналось, начиналось...

И теперь все хорошо начинается! Я б сказал даже, всегда все хорошо начинается, если б знал, что такое «всегда»...

А как хорошо все начиналось!

А теперь снова фотографирование.

Фотографируют всех. Всех т.н. «трудников» монастыря... Фас, профиль, три четверти... И снимают отпечатки пальцев.

Фотографируют три милиционера и милиционерка...

Или где-то в окрестностях что-то украли или взломали или просто: «профилактически».

Некоторые, привыкшие или привычные трудники легко и ловко прикладывают свои ладони к заготовленным бумажкам, другим помогают милиционеры, при этом иногда ворчат (иронически): а чего это у вас так руки трясутся....

Кто-то шутит: «Все. Теперь работаем только в перчатках».

Поневоле присутствующий благочинный улыбается. А что ему остается?

А как хорошо все начиналось!

...То есть, я не то хотел сказать...

Я хотел сказать, *откуда начну плакати окаянного моего жития деяний?*

А как хорошо все начиналось!

А когда это было? Когда?!

Может быть, кто-то и помнит...

Но – не мы.

Мы неблагодарны.